

УДК 72.033(477.75)''15''

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.196.210>

РАЗРЕЗЫ КЕФЕНСКОЙ БИЮК ДЖАМИ

© 2023 г. В.П. Кирилко

Иконографические материалы и письменные свидетельства являются основным источником для изучения архитектоники здания XVI в., утраченного в 1833–1834 гг. Их предметное рассмотрение позволяет устранить ряд бытующих в научном обороте заблуждений и получить важные выводы: подпружные арки в конструкции главного купола не использовались; дворик мечети имел крышу; на рисунке К. Х. Гейслера совмещены изображения минаретов, принадлежавших двум разным постройкам – Муфтий Джамии (слева) и Биюк Джамии (справа). Установлено также, что на рыночной площади первым делом появилась хаммам, затем было начато возведение мечети. На это указывает ломаная конфигурация боковой стены внешнего харама Биюк Джамии со стороны бани, образовавшаяся в результате вынужденной пригонки строений. Купольное перекрытие центральной части молельного зала мечети имело оригинальную объёмную композицию и хорошо продуманную конструкцию, которые вполне могли принадлежать руке столичного мастера, курировавшего строительные работы на крымских объектах Ходжа Синана.

Ключевые слова: Крым, Феодосия, Ходжа Синан, шахзаде Сулейман-хан, султан Селим II, мечеть, османская архитектура, иконографические источники, чертежи Уильяма Хейсти.

SECTIONS OF BIYUK JAMI IN KEFE

V.P. Kirilko

Iconographic materials and written evidence are the main source for studying the architectonics of the building of the XVI century, lost in 1833–1834. Their substantive consideration allows us to remove some delusions that are common in scientific circulation and to get important conclusions: supporting arches were not used in the construction of the main dome; the courtyard of the mosque had a roof; images of minarets in the drawing by Ch. G. Geisler, belonging to two different buildings, are combined – Mufti Jami (left) and Biyuk Jami (right). It was also established that the hammam first appeared on the market square, after it the construction of the mosque was started. This is indicated by the broken configuration of the side wall of the Biyuk Jami outer haram from the side of the bath-house, which was formed as a result of the forced fitting of buildings. The doming of the central part of the mosque prayer hall had an original volumetric composition and a well thought-out design, which could well have belonged to the hand of the capital's master, who supervised the construction work at the Crimean structures of Mimar Sinan.

Keywords: Crimea, Feodosia, Mimar Sinan, shahzade Suleiman-khan, Sultan Selim II, mosque, Ottoman architecture, iconographic sources, drawings by William Hastie.

Несмотря на моё весьма скептическое отношение к научному творчеству Э.Д. Зиливинской, причём исключительно в той части, что касается непосредственно архитектуры средневекового Крыма (Кирилко, 2019а; 2019b; 2021), последнее её сочинение по теме, появившееся синхронно в двух разных и достаточно солидных изданиях (Зиливинская, 2021а, с. 709–712, рис. 17–20; 2021b, с. 344–347, рис. 1–4), меня приятно порадовало более качественным, чем прежде, содержимым, особенно иллюстративным материалом. Отдельную благодарность приношу коллеге за то, что та обнаружила и исправила серьёзную ошибку, допущенную мною в своё время при изучении кефенской Биюк

Джами, – неправильно указанное количество малых куполов: одиннадцать вместо девяти (Кирилко, 2018, с. 229). Правда, восстановление ею истины не обошлось без побочных явлений, что меня весьма огорчило. Причина последнего не в том, что просчитался – с кем не бывает, но вдруг выяснилось, что попутно искажению подверглось моё заключение относительно выводов предшественников – Б.Н. Засыпкина и С.Г. Бочарова. Э.Д. Зиливинская сообщает, что я их считаю ошибочными (Зиливинская, 2021b, с. 346, прим. 1; 2021а, с. 712, прим. 4). Между тем в исходном тексте, на который ссылается исследовательница, мнения Б.Н. Засыпкина и С.Г. Бочарова мною трактованы исключительно как мало-

вероятные (Кирилко, 2018, с. 229, прим. 4). Отчасти поэтому из всех доступных мне тогда свидетельств я отдал предпочтение сведениям П.С. Палласа и Ф. Дюбуа де Монпере, посчитав их более достоверными (Кирилко, 2018, с. 225, 229). Быть ошибочным и быть маловероятным – совершенно разные по сути понятия. Одновременно со мной рикошетом досталось и С.Г. Бочарову, который, согласно Э.Д. Зиливинской, якобы лишь повторил мнение Б.Н. Засыпкина (Зиливинская, 2021b, с. 346, прим. 1; 2021a, с. 712, прим. 4). Справедливости ради необходимо отметить, что если Б.Н. Засыпкин просто обозначил свою позицию, причём никак её не аргументируя (Засыпкин, 1927, с. 140), то С.Г. Бочаров в качестве обоснования опубликовал выкопировку (к сожалению, в подписи к иллюстрации отсутствует ссылка на источник) схематичного плана мечети, обнаруженного им в картографических материалах конца XVIII в. (Бочаров, 2016, с. 123, рис. 4). Поскольку это произошло впервые, его выводам однозначно присуща научная новизна, следовательно, считать их обычным повторением суждения предшественника по меньшей мере некорректно.

Итак, по сути. Биюк Джамии – самая большая культовая постройка османского города Кефе (Бочаров, 2016, рис. 4). По свидетельству турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби, она принадлежала к числу соборных и носила имя шахзаде Сулейман-хана, который «построил ее, когда здесь правил» (Книга путешествий, 1999, с. 90). В экспликации к генеральному плану Каффы 1798 г. здание названо мечетью султана Селима (Бочаров, 2016, с. 124, табл. 1), что также нашло отражение в научном обиходе (Засыпкин, 1927, с. 140). В 1833–1834 гг. сооружение подверглось уничтожению и прекратило своё существование (Тункина, 2011, с. 59–50; Дюбуа де Монпере, 2009, с. 83–84). В настоящее время о полностью исчезнувшей с лица земли Биюк Джамии можно судить лишь благодаря наблюдениям тех, кто видел постройку до разрушения и оставил после себя её описания и графические изображения, причём нередко крайне лаконичные и не всегда достоверные.

Среди упомянутых свидетельств наиболее информативными документами являются чертежи – план и три фасада мечети (рис. 1–2), выполненные шотландским архитектором на

русской службе Уильямом Хейсти в 1798 г. (О сохранении, 1872, табл. 7; Храпунов, 2017, с. 280–281, рис. 4; 2018, рис. 4). Согласно им, основной объём здания посередине завершался большим сферическим куполом на двухъярусном многогранном барабане. Боковые части строения с обеих сторон были перекрыты маленькими куполами, крайние из которых (южные) представлены на заднем виде. Точное их количество чертежи не сообщают, поскольку проекции этих сводов на план не нанесены, а восточный и западный фасады мечети, надо полагать, автором не разрабатывались, по крайней мере пока они неизвестны и в альбоме У. Хейсти отсутствуют. Галерея перед главным (северным) входом в здание была пятикупольной.

Немного ранее учёный с немецкими корнями, энциклопедическими знаниями и безукоризненной репутацией, академик П.С. Паллас, видевший Биюк Джамии во время путешествия по Крыму в 1783–1784 гг., при описании постройки обратил внимание на следующее: «Главный ее купол – более девяти сажень в поперечнике, и с трех сторон она еще имеет одиннадцать маленьких куполов» (Паллас, 1999, с. 117). Сейчас, задним числом, трудно понять, чем руководствовался этот весьма педантичный по своей природе исследователь, сообщая столь конкретную, но, как теперь оказалось (Зиливинская, 2021b, с. 347, прим. 1; 2021a, с. 711), ошибочную информацию о завершении постройки. Вероятнее всего, общее количество малых куполов он определил посредством обычного суммирования, исходя из их расположения на фасадах: с боков видно по три свода, а спереди – пять, итого получается одиннадцать. Как бы там ни было, но позднее ещё один представитель академической науки, высококвалифицированный специалист и прекрасный рисовальщик, швейцарец Ф. Дюбуа де Монпере, в 1832 г. заставший здание уже полуразрушенным и с полностью утраченным перекрытием (рис. 3), практически дословно повторил сведения П.С. Палласа, видимо не имея веских причин не доверять коллеге (Дюбуа де Монпере, 2009, с. 83). Спустя почти два века его примеру последовал и я, обычный научный работник с архитектурным образованием (Кирилко, 2018, с. 229).

Совершенно иначе мечеть воспринял коллежский советник в Министерстве юсти-

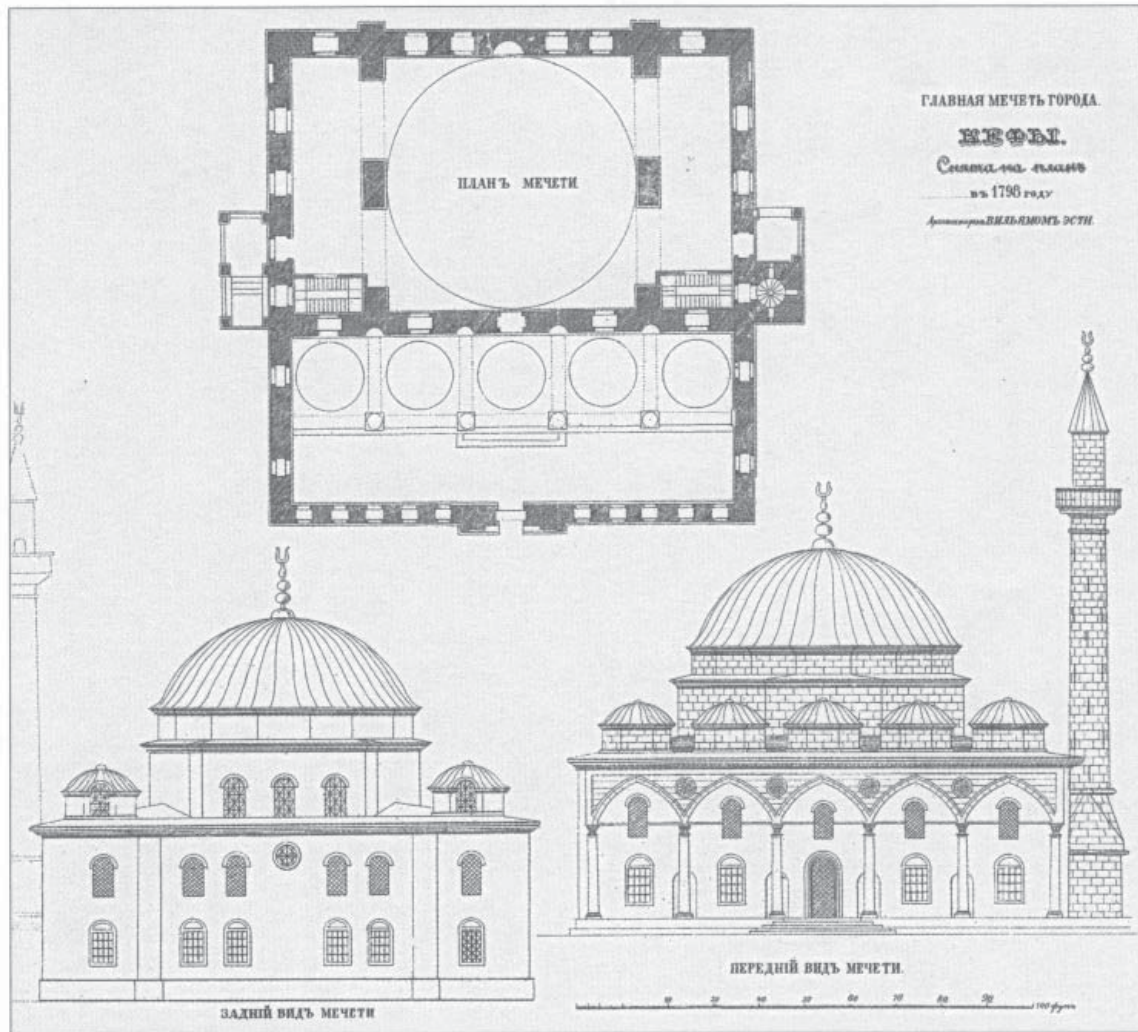

Рис. 1. У. Хейсти. «Главная мечеть города Кефы». План и виды. 1798 г. (по: Тункина, 2011, ил. 34).

Fig. 1. W. Hastie. “The principal mosque of the city of Kefa”. Plan and views. 1798 (after Tunkina, 2011, fig. 34).

ции и, по его собственному признанию, «автор по неволи» П.И. Сумароков, посетивший город в 1799 г.: «Она сделана из обожженных кирпичей с 10 на ней куполами, из коих на одном главном только осталась в целости свинцовая его крышка» (Сумароков, 1800, с. 62).

Сохранилось ещё два письменных свидетельства с информацией о завершении здания мечети. Одно из них, датированное 1666–1667 гг., принадлежит Э. Челеби. Он сообщает: «Все купола его строений внутри и снаружи особым образом покрыты свинцом» и «Над внешней софой на 6 колоннах – 5 отстроенных куполов» (Книга путешествий, 1999, с. 90). Появление второго документа, в своё время оставшегося мне неизвестным, относится к 1787 г. и связано с краткосрочным пребыванием в городе венесуэльского борца за независимость испанских колоний в Южной

Америке Франсиско де Миранда, который, будучи эрудированным и наблюдательным человеком, в своём дневнике оставил исключительно содержательную запись: «Мы тотчас же отправились в главную мечеть, каковая является далекой от совершенства имитацией наиболее крупных мечетей Константинополя. По форме это параллелограмм, где малые купола образуют просторный перистиль, а внутренняя центральная часть заканчивается большим куполом наподобие того, что в Св. Софии, и по два малых купола с каждой стороны» (Миранда, 2001, с. 68–69).

Основываясь на сведениях Ф. де Миранда и П.И. Сумарокова, собственных рассуждениях по поводу конструкций – небезынтересных, хотя и далеко не бесспорных, а также примерах других османских мечетей, привлекаемых в качестве аналогий, Э.Д. Зиливинская пришла к убедительному выводу о том,

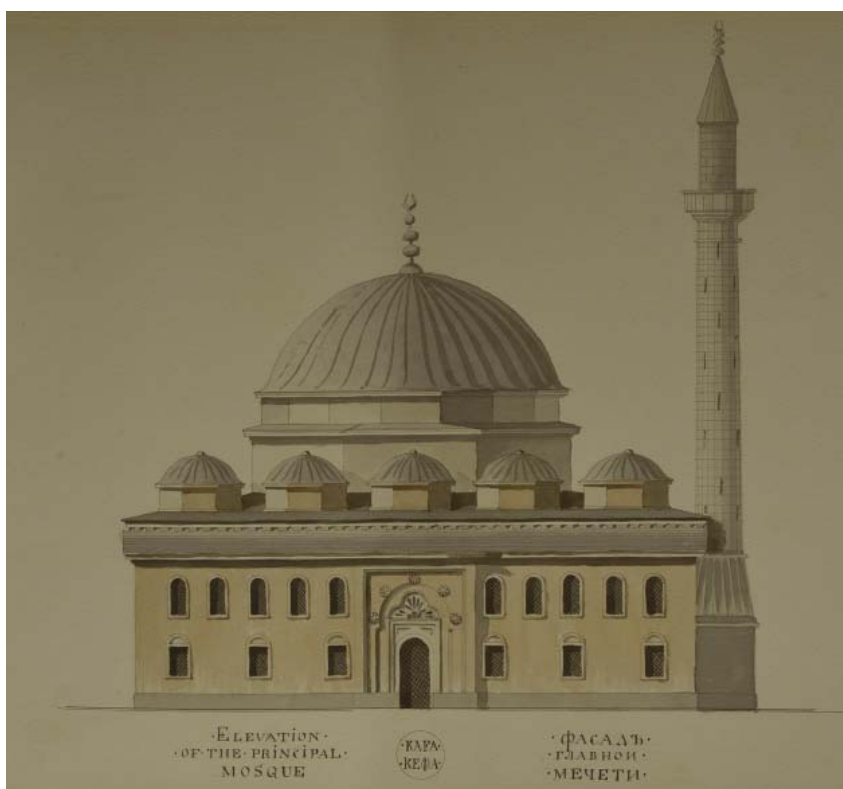

Рис. 2. У. Хейсти. «Кефа. Фасад главной мечети». 1798 г. (по: Храпунов, 2017, рис. 4).
Fig. 2. W. Hastie. “Kefa. Elevation of the principal mosque”. 1798 (after Khrapunov, 2017, fig. 4).

Рис. 3. Ф. Дюбуа де Монпере. «1. Старая генуэзская церковь и мечеть в Кефе. 2. Старые татарские бани, разрушенные вместе с мечетью в 1833 г.». Зарисовка в путевом альбоме. 1832 г. (по: Тункина, 2011, ил. 63).
Fig. 3. F. Dubois de Montpéreux. “1. Old Genoese church and mosque in Kefe. 2. Old Tatar bath-houses, destroyed along with the mosque in 1833. Sketch in the travel album. 1832” (after Tunkina, 2011, fig. 63).

что Биюк Джамии в Кефе имела всего десять куполов – один большой и девять маленьких, по два с боков и пять спереди (Зиливинская, 2021b, с. 345, 347; 2021a, с. 711, 712). Весомым подтверждением этому является недавно

опубликованный иконографический источник, пожалуй, самый надёжный из числа всех известных сейчас – план Феодосии, выполненный Н.И. Корсаковым в 1784–1787 гг. (Джанов, 2019, рис. 2). Представленный на

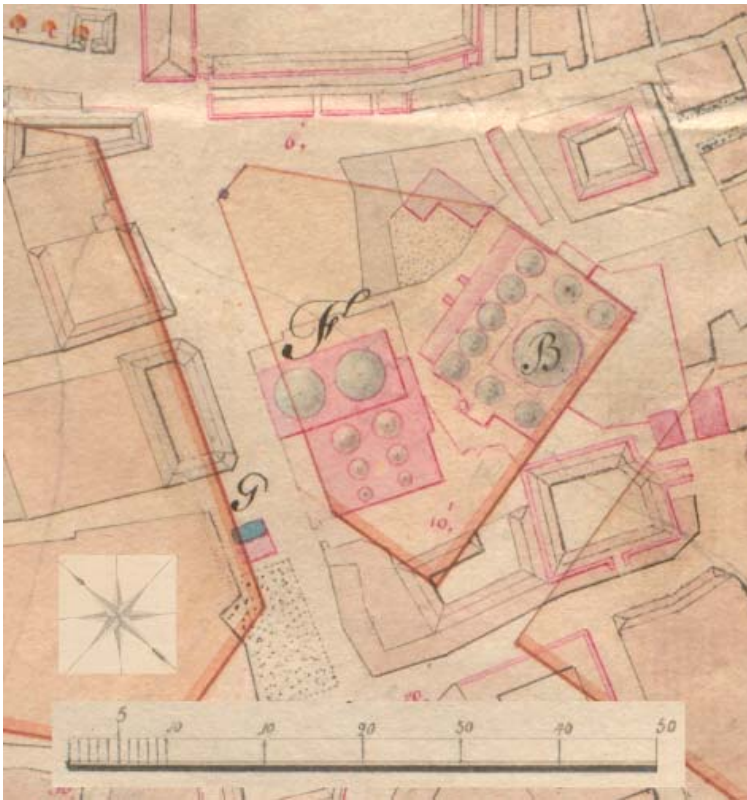

Рис. 4. Н. И. Корсаков. «План Феодосии». Фрагмент. 1784–1787 гг. (по: Джанов, 202 , рис. 2). Условные обозначения: В – Большая мечеть; F – баня; G – фонтан.

Fig. 4. N.I. Korsakov. “Plan of Theodosius”. Fragment. 1784–1787 (after Dzhанov, 202, fig. 2). Symbols legend: B – Great Mosque; F – bath-house; G – fountain.

нём вид мечети сверху (рис. 4) предельно точно передаёт форму здания и его перекрытия.

Проблемы, затронутые Э.Д. Зиливинской, являются исключительно важными для правильного понимания архитектуры Биюк Джамии. Однако при их рассмотрении она не смогла избежать целого ряда досадных заблуждений, искажающих достоверную информацию документов, и тем самым дезориентирует своих читателей.

Заблуждение 1. Исследовательница имеет крайне смутное представление о том, как устроено купольное перекрытие основного помещения молельного зала мечети, что получило своё отражение в хаотическом нагромождении серии постулатов: «Центральная квадратная часть была перекрыта куполом диаметром около 17 м. Барабан купола возведён на подпружных арках, из которых северная и южная опирались на контрфорсы, причем южная стена была усилена контрфорсами и снаружи. С запада и востока подпружные арки были перекинута между контрфорсами и устоями в центре зала. Переход к барабану осуществлялся при помощи парусов. Барабан был двухъярусным: на восьмигранный был поставлен шестнадцатигранный с полусфери-

ческим куполом, крытым свинцом. В зените купола находился алем» (Зиливинская, 2021b, с. 346; 2021a, с. 712).

На самом деле в конструкции купольного перекрытия центральной части молельного зала Биюк Джамии подпружных арок нет, а те арки, которыми завершались проёмы в боковых стенах, таковыми не являются (рис. 5–7). Более того, не имелось в них и особой надобности, поскольку все стены здания – и внешние, и внутренние – были несущими. Нагрузка от купола передавалась непосредственно на кладку стен и парусов. Поскольку распор пандативов относительно помещения был направлен по диагоналям, то все конструкции, определяемые исследовательницей как контрфорсы (исключая разве что слегка выступавшие наружу пилоны южного фасада), ему почти не противодействовали и, следовательно, считаться ими могут лишь с очень большой натяжкой. Иначе располагались и сами паруса. В действительности они обеспечивали переход только к верхней, выделенной карнизом, части барабана, ибо практически полностью принадлежали его нижней половине, которая в свою очередь образовалась в результате трансформации стен и по сути является их естественным продолжением.

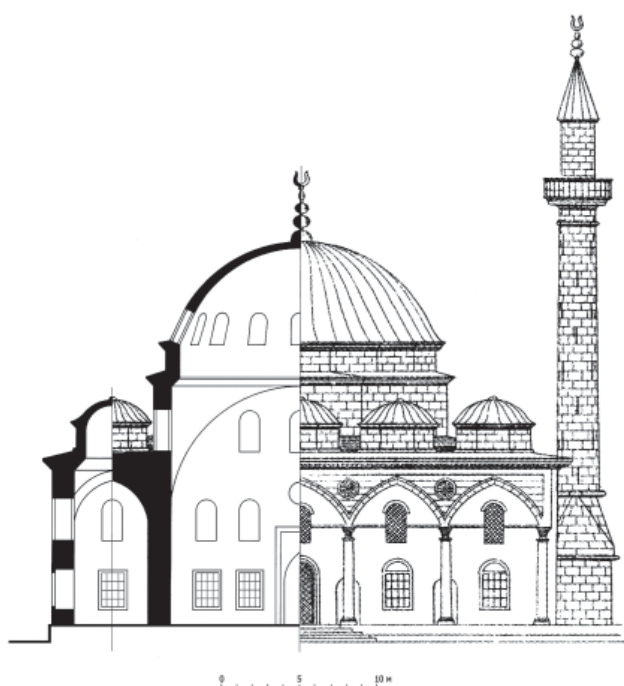

Рис. 5. Поперечный разрез мечети.

Реконструкция, совмещённая с видом работы У. Хейсти (чертёж автора).

Fig. 5. Cross section of the mosque.

Reconstruction, combined with the view of the work of W. Hastie (author's drawing).

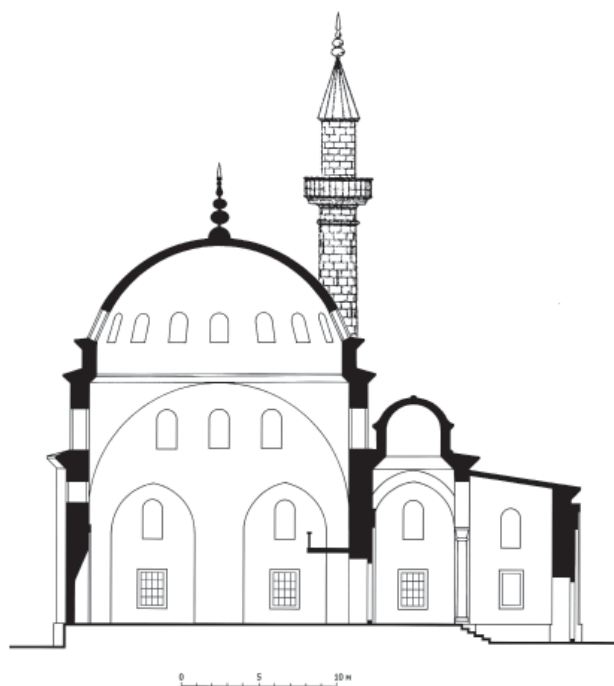

Рис. 6. Продольный разрез мечети. Реконструкция, совмещённая с видом работы У. Хейсти (чертёж автора).

Fig. 6. Longitudinal section of the mosque. Reconstruction, combined with the view of the work of W. Hastie (author's drawing).

Рис. 7. Н. А. Львов. «Профиль кефской мечети». Зарисовка в путевой тетради. 1803 г. (по: Тункина, 2011, ил. 49).

Fig. 7. N.A. Lvov. "Profile of the Kefe Mosque". Sketch in a travel notebook. 1803 (after Tunkina, 2011, fig. 49).

ем. Нельзя не отметить и то, что зенит купола (сиречь высшая точка сферической поверхности) вообще-то находится с внутренней стороны конструкции, тогда как алем венчал свод и всё здание снаружи.

Заблуждение 2. Поскольку У. Хейсти выполнил два немного отличающихся друг

от друга чертежа с абсолютно одинаковыми названиями, Э.Д. Зиливинская пришла к выводу о том, что архитектор «зарисовал северный фасад в его первоначальном виде, с открытой пятипролетной арочной галереей и с заложёнными арками. Вероятно, закладка арок предполагалась для укрепления здания,

но, скорее всего, эта перестройка так и не была сделана» (Зиливинская, 2021b, с. 346, рис. 2: 1, 2; 2021a, с. 711, рис. 18: 1, 2). Автором самой идеи является Н.И. Храпунов, а её полная версия выглядит следующим образом: «Чертежи зафиксировали два состояния главного фасада мечети: “оригинальный” – с крытой аркадой и “с переделкой”, где аркада заложена, а в получившейся стене устроен парадный портал. Когда произошла эта переделка, неясно. Во второй половине XVII в. аркада еще существовала, в 1833 г. уже была заложена. <...> Быть может, упомянутая выше перестройка портала феодосийской мечети также зафиксировала планы реставрации, согласно которым аркада должна была превратиться в стену с пышным входом и двумя рядами окон» (Храпунов, 2017, с. 280–281, рис. 4).

Ошибочность этого мнения ещё в 2018 г. убедительно обозначил С.Г. Бочаров при обсуждении доклада Н.И. Храпунова, представившего эти результаты своих наблюдений на VIII международной научной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова (г. Пятигорск – с. Прасковья, 20–25 сентября). Согласно его выводам, У. Хейсти на чертежах изобразил вовсе не два разных состояния постройки, но реально существовавшие одновременно фасады – собственно, северный вид самой мечети и наружный вид передней стены, ограждавшей дворик перед галереей (внешний *харам*, по Э. Челеби). Э.Д. Зиливинская также принимала участие в работе конференции и ей известна позиция С.Г. Бочарова, однако в обеих своих публикациях она ту не только проигнорировала, но даже не упомянула о существовании альтернативной точки зрения.

На мой взгляд, кроме вполне достоверной информации о том, как выглядело здание мечети со стороны рыночной площади (идентичный вид оно имеет также на гравюре с рисунка К.Х. Гейслера 1794 г.), архитектор сообщает и другие, не менее важные сведения. В частности, на чертеже изображена односкатная кровля, которая примыкает к галерее и находится непосредственно над двориком (рис. 2), следовательно, внешний *харам* сверху был полностью перекрыт (рис. 6). Ближайшей аналогией подобного архитектурно-конструктивного решения является пример Атик Валиде Султан Джами в Ускюдаре, датирован-

ной 1571–1578 гг. (Düzenli, 2015, p. 192–196, fig. 16; Кононенко, 2022, с. 223–226).

Заблуждение 3. Пытаясь выяснить точное количество минаретов, Э.Д. Зиливинская привлекла все известные ей изображения мечети, представленные на общих видах Феодосии, и пришла к двум ложным выводам: «П.С. Паллас в 1794 г. описывает два минарета, более того, они изображены на рисунке Г.Х. Гейслера (нем. Christian Gottfried Heinrich Geißler. – В. К.)» и «На рисунках М.М. Иванова, Е.М. Корнеева и А. де Палдо 1803–1805 гг. изображен один минарет, хотя не всегда с правильной стороны» (Зиливинская, 2021b, с. 347, рис. 3; 2021a, с. 712, рис. 19). Ошибочность её суждений в значительной мере обусловлена незнанием элементарных законов перспективы и отсутствием реального представления о топографии города. Дело в том, что на гравюре с рисунка К.Г. Гейслера оказались рядом и частично совпали друг с другом изображения двух разных мечетей – Биюк Джами (справа) и расположенной немного поодаль, но практически на одной оси с ней Муфтий Джами (слева). Обе они купольные, что чётко обозначено художником, а каждая из них имеет всего по одному минарету, находившемуся сбоку у северо-западного угла постройки. По этой же причине не «с правильной стороны» вдруг оказался минарет на рисунке А. де Палдо, но иначе и не могло случиться, ибо он принадлежал Муфтий Джами, тогда как находившаяся ближе Биюк Джами к 1805 г. свой минарет уже утратила (Кирилко, 2018, с. 225). Кстати, подобным образом совмещение переднего и дальнего планов произошло также на акварели У. Хейсти (рис. 8), в результате чего у мечети неожиданно появился второй минарет, хотя на всех одновременных с рисунком чертежах архитектора (рис. 1, 2) он везде представлен в единственном числе. О том, что здесь изображены две совершенно разные постройки, свидетельствует лишь их ракурс и совсем незначительные отличия по высоте.

Поскольку читатель любого научного труда не должен теряться в догадках по поводу того, что имел в виду автор, сообщая ту или иную информацию, вынужден отметить ещё несколько недоработок, ухудшивших исследование Э.Д. Зиливинской. Во-первых, спорным выглядит утверждение: «Главный (кыбловый) вход в мечеть находился по

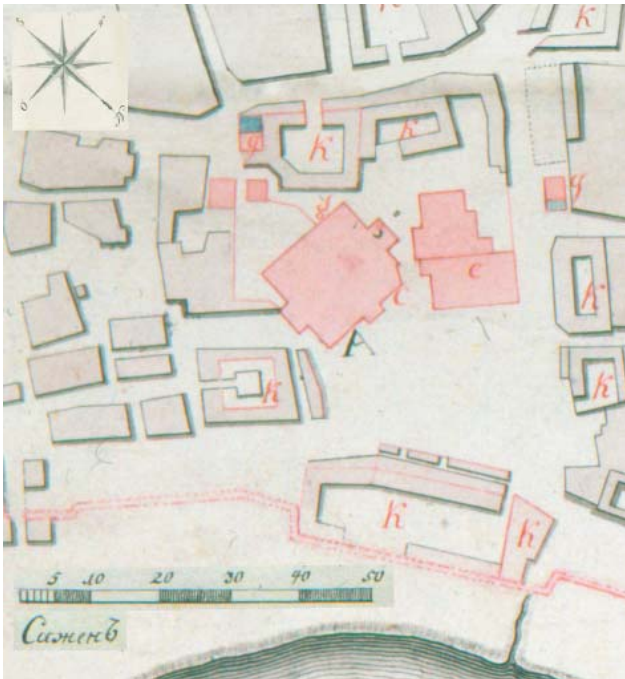
Рис. 8. У. Хейсти. «Кефа. Рисунок с натуры. 18 сентября 1798 г.». Фрагмент (по: Джанов, 2021, с. 216–217).

Fig. 8. W. Nastie. “Kefa. Drawing from nature. September 18, 1798”. Fragment (after Dzhanov, 2021, p. 216–217).

центру южной стены» (Зиливинская, 2021b, с. 347; 2021a, с. 712). Стена, о которой идёт речь, принадлежит основному объёму мечети, представляет собой внешнюю несущую конструкцию здания и по своему расположению является северной стеной. Трактовать её как южную только на основании того, что к ней с севера примыкает галерея, неприемлемо, ибо в этом случае у мечети сразу появляются две южных стены (и обе наружные), а значит, путаница неизбежна. Во-вторых, боковые входы в постройку, о которых сообщает Э. Челеби (Книга путешествий, 1999, с. 90), на чертеже У. Хейсти Э.Д. Зиливинская почему-то не обнаружила – «на плане они не видны» (Зиливинская, 2021b, с. 347; 2021a, с. 712). Тем не менее они там есть и расположены рядом с подножием минарета, причём самим архитектором (в полном соответствии с нормами инженерной графики) обозначены именно как дверные проёмы (рис. 1). В-третьих, определение размеров молельного зала, то есть помещения, по внешнему периметру стен вызывает недоумение. При этом толщина кладок в описании не сообщается, следовательно, вычесть её и хотя бы таким образом получить полноценное представление о величине внутреннего пространства мечети невозможно.

По большому счёту, отмеченные недостатки не являются катастрофическими, разве что усложняют процесс восприятия информации, превращая его в бесконечный квест. Обусловленные этим неизбежные издержки компенсируются лишь неиссякаемостью интереса исследователей к постройке, который пусть и в таком виде, но способствует её дальнейшему изучению. Завершая рассмотрение новых публикаций с материалами о Биюк Джамии, нельзя не обратить внимание на ещё один важный иконографический источник – «План города Феодосии с показанием вокруг оного каменной стены в плане и фасаде», датированный восьмидесятыми годами XVIII в. (Джанов, 2019, рис. 1). Специалистам он известен давно, но впервые издается в цвете и с высоким разрешением цифровой копии, которые позволяют получить исчерпывающее представление о мельчайших подробностях документа, в частности связанных с градостроительной структурой османского Кефе.

До появления Биюк Джамии рыночная площадь имела чётко выраженную форму в виде прямоугольной трапеции (рис. 9). С юго-восточной, северо-восточной и северо-западной сторон её обрамляли торговые ряды и ханы. Угол квартала, примыкающего к ней с юго-запада, был занят баней. Огромное здание

мечети своей величиной ощутимо превышает все остальные сооружения архитектурного ансамбля и буквально втиснуто в существующую застройку, причём зодчему пришлось проявить немалое мастерство, чтобы справиться с этой задачей. Правда, пересечения красной линии ему избежать всё равно не удалось, что привело к небольшому изменению первоначальной конфигурации мейдана.

Участок, принадлежавший Биюк Джамии, с боков ограничен двумя монументальными строениями – хаммамом и караван-сараям. С южной стороны он упирался в колодезь. Спереди находилась рыночная площадь, край которой оказался под угловой частью мечети, полностью перекрывшей при этом проезд в переулок, расположенный между ханом и соседним кварталом. Существовавшую стеснённость места строительства подтверждает также Э. Челеби: «Внутри мечеть очень просторная, занимает 10 тысяч шагов. Но она находится на рынке, на узком куске земли, и внешний *харам* ее маленький. Он не соответствует величине мечети» (Книга путешествий, 1999, с. 90). Ограниченные размеры участка и высокая плотность застройки сказались не только на незначительной глубине двора, но также обусловили асимметричное уменьшение его ширины спереди.

Западная боковая стена внешнего *харам* имеет ломаную конфигурацию. На одном плане (рис. 9) она сильно скошена, на втором

Рис. 9. «План города Феодосии с показанием вокруг него каменной стены в плане и фасаде». Фрагмент. 1780-е гг. (по: Джанов, 2019, рис. 1). Условные обозначения: с – мечеть; е – баня; g – фонтан; j – колодезь; k – хан.

Fig. 9. “Plan of the Feodosia with an indication of a stone wall around it in plan and facade”. Fragment. 1780s (after Dzhanov, 2019, fig. 1). Symbols legend: c – mosque; e – bath-house; g – fountain; j – well; k – khan.

(рис. 4) – разворот едва заметен, но в обоих случаях ограда и галерея на стыке друг с другом разделены чётко обозначенным уступом. Вместе с тем на чертежах У. Хейсти (рис. 1–2) ничего подобного нет, за исключением, пожалуй, небольшого смещения вовнутрь крайних колонн аркады на северном фасаде и почти неощутимого сужения двора со стороны рынка на горизонтальной проекции. Точные причины противоречивости последнего источника неизвестны. Вероятнее всего, руководствуясь желанием или необходимостью придать Биюк Джамии более правильные и совершенные формы, архитектор специально изменил реальный облик постройки при её вычерчивании. По крайней мере такими неточностями грешат многие детали здания, представленные на его чертежах, что обнаруживается при сравнении разных иконографических материалов. Например, наличник главного входа в интерпретации У. Хейсти (рис. 1) не имеет ничего общего с порталом на рисунке Ф. Дюбуа де Монпере (рис. 3), который изображен более правдоподобно, поскольку точно переданы характерные для османского зодчества формы. Согласно сведениям У. Хейсти, непосредственно над дверным проёмом находилось окно, но его нет у Ф. Дюбуа де Монпере, причём по весьма прозаичной и убедительной причине – из-за недостатка там места. Отсутствие окна подтверждает также зарисовка Н.А. Львова (рис. 7). На фасадах У. Хейсти главный купол представлен без окон (рис. 1–2), хотя они известны по рисункам интерьера (рис. 7) и видам здания на панорамах города, в том числе и его собственной (рис. 8, 10) (Кирилко, 2018, с. 225–226, ил. 6; Храпунов, 2020, рис. 2). Разнится также информация о количестве внешних михрабов. Чертежи У. Хейсти сообщают о четырёх нишах (рис. 1), располагавшихся напротив колонн аркады – по две с каждой стороны от входа. По свидетельству

Рис. 10. К. Ф. Кюгельхен. Вид с Феодосийской крепости. 1824 г. (по: Тункина, 2011, ил. 57).

Fig. 10. K. von Kügelgen. View from the Feodosia fortress. 1824 (after Tunkina, 2011, fig. 57).

Ф. Дюбуа де Монпере, в западной половине северной стены строения находилась только одна аназа (рис. 3). Вызывают сомнения и слишком высокие барабаны малых куполов (рис. 1–2). Обычно они были более приземистыми, что наряду с многочисленными примерами косвенно подтверждается рисунком К.Ф. Кюгельхена (рис. 10), который среди всех известных сейчас перспективных изображений мечети выделяется самой точной передачей пропорций и форм здания. На северном фасаде постройки нижний ярус барабана У. Хейсти представлен без окон, тогда как о них сообщает карандашный набросок интерьера, выполненный Н.А. Львовым (рис. 7).

На мой взгляд, усложнённые скосом и уступом очертания угловой части Биюк Джами со стороны хаммама, беспристрастно обозначенные на планах города военными топографами (рис. 4, 9), реально существовали и были вынужденной мерой, обусловленной расположением обеих построек почти вплотную друг к другу. Таким образом архитектору удалось немного увеличить расстояние между двумя зданиями не только визуально, но и, что не менее важно, физически. Причём появление

бани по времени однозначно предшествовало возведению мечети и определяет для той *terminus post quem*, в противном случае пригонке подверглась бы первая.

Дата строительства хаммама, автором которого считается великий османский зодчий Ходжа Синан (ок. 1489–1588 гг., после 1538 г. – главный придворный архитектор), точно не известна (Rabb, 2013, p. 33; Кононенко, 2022, с. 153–155). Немного прояснить ситуацию позволяет Э. Челеби, сообщающий о некой кефенской бане Татлы: «Она во внешней крепости, ее заложили, когда здесь правил *шахзаде* Сулейман-хан Гази, а потом при его преемниках она была завершена» (Книга путешествий, 1999, с. 92–93). Хотя турецкий путешественник имя архитектора не называет, расположение самой постройки и особенно перечисление присущих ей достоинств, сопоставимых с достоверными сведениями документальных источников (Дюбуа де Монпере, 2009, с. 83–84; Тункина, 2011, с. 50, 72–73), позволяют уверенно отождествить это здание с хаммамом на рыночной площади. Поскольку введение бани в эксплуатацию затянулось, ситуация с долгостроящим не могла не сказаться

ся на судьбе соседней Биюк Джамии. Поэтому Э. Челеби, свидетельствуя о возведении соборной мечети шахзаде Сулейман-ханом – «построил ее, когда здесь правил», вероятнее всего, имел в виду лишь причастность того к закладке сооружения. Иначе теряет какой-либо смысл вынужденное изменение внешних очертаний здания, равно как необъяснимым остаётся то, почему позднее за постройкой закрепилось имя султана Селима, владевшего престолом в 1566–1574 гг.

Большая мечеть Кефе представляет собой уникальное сооружение, не имеющее близких аналогий на территории полуострова. В определённой степени с ней сопоставима лишь одна крымская постройка, причём настолько же по местным меркам грандиозная и неординарная – Джума Джамии в Гёзлёве, которая является ярким произведением столичной архитектурной школы и была построена Ходжа Синаном в пределах 1552–1564 гг. (Кутайсов, Кутайсова, 2007, с. 77–79). Несмотря на то, что в пресловутом списке, где перечисляются все произведения мастера, кефенская мечеть не упомянута, очевидное тождество стиля и наличие в Крыму целых двух достоверно подтверждаемых его работ (гёзлёвской Джума Джамии и бань султана Сулеймана в Кефе) позволили в своё время Б.Н. Засыпкину предположительно связать её происхождение именно с творчеством знаменитого турецкого зодчего, а возведение самого здания «отнести к середине XVI в.» (Засыпкин, 1927, с. 140–143).

Поскольку Э. Челеби «совершенно определено» указывает, что мечеть была построена Сулейман-ханом во время правления санджаком, А.П. Григорьев счёл возможным уточнить дату сооружения, за которым, как он полагает, «без всяких видимых на то оснований укрепилось имя султана Селима II (1566–1574)». Согласно выводам исследователя, постройка появляется до 1520 г., «ближе всего стоит к стамбульской Шахзаде, будучи гораздо проще её по формам», и принадлежит к наиболее раннему этапу в творчестве Синана (Григорьев, 1974, с. 27–28). Несмотря на то, что сам турецкий путешественник, обычно не упускавший важных деталей, с деятельностью знаменитого зодчего данное строение никак не связывает, оно и сейчас иногда продолжает относиться к богатому наследию

мастера (Бочаров, 2016, с. 127), хотя документального подтверждения этому до сих пор нет (Aslanapa, 1992; Goodwin, 1992, p. 196–283; Goodwin, 1993; Necipoglu, 2005; Rabb, 2013, p. 26–36; Кононенко, 2022, с. 155). Равно как отсутствует и уверенность в том, что возведение Соборной мечети в Кефе было полностью завершено при шахзаде Сулейман-хане.

Э.Д. Зиливинская сообщает о трёх аналогиях. Самой близкой из них является Султан-Джамии в Манисе 1522 г., которая «практично идентична ей по плану». Две другие – мечети Чешнигир 1474 г. и Хатуние 1479 г. – находятся там же и имеют «сходную планировку» (Зиливинская, 2021b, с. 347; 2021a, с. 712). По мнению Е.И. Кононенко, упомянутые постройки, дополненные им ещё несколькими примерами, образуют целую группу мечетей с боковыми нефами из двух ячеек. Они локализируются преимущественно в Манисе и служат «иллюстрацией особого вектора развития композиционных новаций эдирнской Юч Шерефели-джамии, приведшего не к новому столичному типу “большой османской мечети”, а к созданию провинциальной версии трехнефных мечетей, в которых не делалась попытка объединения зального пространства» (Кононенко, 2022, с. 120). Вместе с тем, несмотря на тождество плановой схемы, ни одна из них не имеет объёмной композиции, подобной той, что завершала перекрытие центральной части Биюк Джамии и представляла собой комбинацию двух многогранных призм, поддерживавших основной купол.

Возвращаясь к рассмотрению чертежей У. Хейсти, следует отметить, что на переднем и заднем видах здания (рис. 1–2) все вертикальные плоскости нижнего яруса барабана имеют разную ширину и форму. Точнее и детальнее они представлены на южной проекции. Судя по изображению, фасадные грани были более широкими, чем примыкающие к ним с боков соседние поверхности. Благодаря этому автору строения удалось не только гармонично разместить оконные проёмы, но также ощутимо увеличить толщину стен барабана со стороны парусов, что в свою очередь позволило почти полностью скрыть кладку пандативов в его теле. Обращает на себя внимание чётко обозначенное на чертежах усечение вертикальных рёбер посредством фасок, которое привело к топологическому

преобразованию октагональной призмы в многогранник с шестнадцатью разновеликими лицевыми плоскостями. Примеры аналогичной конструкции, чаще всего представлявшей собой обычный четверик либо немного модифицированное завершение кубовидного объёма самого здания, на других монументальных постройках османского мира мне неизвестны. Несколько с ней сопоставимы лишь угловые участки перекрытия Джума Джамии в Гёзлёве, парусам которого снаружи придана ступенчатая форма (Кутайсов, Кутайсова 2007, с. 75–79), более совершенная и изящная по сравнению с кефенской.

На чертежах южного фасада Биюк Джамии, выполненных У. Хейсти, центральный барабан строения выглядит относительно правдоподобно. По меньшей мере многогранность его нижнего яруса косвенно подтверждается предельно скрупулёзным рисунком

К.Ф. Кюгельхена (рис. 10). С другой стороны, этому противоречит неизвестный художник рубежа XVIII–XIX вв., неожиданно изобразивший ту же самую конструкцию в виде высокой прямоугольной призмы (Кирилко 2018, с. 226, ил. 6). Остальные иконографические материалы, доступные сейчас для изучения (Тункина, 2011, ил. 36, 52, 60; Храпунов, 2017, с. 279, рис. 3; Джанов 2019, рис. 5; Зиливинская, 2021b, рис. 3; 2021a, рис. 19), невыразительны. Если сообщаемые У. Хейсти сведения о несколько необычной форме барабана являются достоверными, в чём я не сомневаюсь, есть основание считать, что завершение основного объёма здания имело оригинальную и хорошо продуманную композицию, которая вполне могла принадлежать руке столичного мастера, курировавшего строительные работы на крымских объектах Ходжа Синана.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочаров С.Г. Мечети города Каффа (Кефе) // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 120–137.
- Григорьев А.П. “Книга путешествия” Эвлии Челеби – источник по истории Крыма XIII–XVII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 3 / Отв. ред. Г.В. Ефимов. Л.: ЛГУ, 1974. С. 19–28.
- Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и османы 1454–1456 гг. (по данным книг массарии Каффы) // Сугдейський збірник. 2019. Вип. 2(VIII). С. 79–373.
- Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и соседние государства в 1456–1459 гг. (по данным книг массарии Каффы) // Сугдейський збірник. 2021. Вип. 3–4(VIII). С. 163–462.
- Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. Париж, 1843. Т. 5, 6 / Перевод, предисловие и примечания Т.М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
- Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2(4). С. 113–168.
- Зиливинская Э.Д. Культовая архитектура крымского ханства // История крымских татар. В 5 томах. Т. III. Крымское ханство XV–XVIII вв. / Отв. ред. И. В. Зайцев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021а. С. 692–742.
- Зиливинская Э.Д. Многокупольные мечети в Крымском ханстве // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2021б. Вып. XXVI. С. 343–361.
- Кирилко В.П. Архитектура мечетей османского города Кефе (по материалам письменных и графических источников) // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 10 / Гл. ред. А.Ю. Казарян. М.; СПб: Нестор-История, 2018. С. 222–241.
- Кирилко В.П. Культовая архитектура золотоордынского Крыма: версия Э. Д. Зиливинской // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2019а. С. 691–739.
- Кирилко В.П. О башенных мавзолеях золотоордынского Крыма и некоторых исследовательских выводах // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. В 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019б. С. 119–125.
- Кирилко В. П. Хронологические парадоксы дюрбе Мухаммед-Шах-бея в г. Бахчисарай // Поволжская археология. 2021. № 2(36). С. 93–120 DOI: <http://doi.org/10.24852/pa2021.2.36.107.120>
- Книга путешествия. Турецкий автор Эвлии Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Пер. и коммент. Е.В. Бахревского. Симферополь: Таврия, 1999. 142 с.

Кононенко Е.И. Эволюция архитектуры османской мечети. М.: Прогресс-Традиция, 2022. 512 с.

Кутайсов В.А., Кутайсова М.В. Евпатория: Древний мир. Средние века. Новое время. Киев: Стилос, 2007. 284 с.

de Миранда Ф. Путешествие по Российской Империи / пер. с исп. М. С. Альперовича, В. А. Капанадзе, Е. Ф. Толстой. М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 2001. 362 с.

Юргевич В.Н. Псифисы древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора за покорение Крыма и освобождение херсонесцев от владычества скифов // Записки Одесского общества истории древностей (ЗООИД). Одесса, 1889. Т. 16. С. 21–45.

О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД. Т. 8. Одесса, 1872. С. 363–403.

Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. / Пер. с нем. М.: Наука, 1999. 246 с.

Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. М.: Университетская типография, 1800. 250 с.

Тункина И.В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871. Киев: Болеро, 2011. 240 с.

Храпунов Н.И. Культурное наследие Крыма эпохи Золотой Орды и Крымского ханства в описаниях иностранцев рубежа XVIII–XIX вв. // ПИФК. 2017. № 4. С. 270–291.

Храпунов Н.И. О крымских акварелях Андрея Воронихина // Боспорские исследования. 2020. Вып. 40. С. 229–238.

Aslanapa O. *Mimar Sinan*. Ankara: Kültür Bakanlığı, 1992. 138 p.

Düzenli H. İ. *XVI–XVII. Yüzyıl İstanbul Mimarisi* // Antik Çağ'dan XXI. Yüzyıla Büyük İstanbul Tarihi 8 / Coşkun Y. (ed.). İstanbul, 2015. P. 176–243.

Goodwin G. *A history of Ottoman architecture*. London: Thames and Hudson, 1992. 512 p.

Goodwin G. *Sinan: Ottoman Architecture and Its Values Today*. London: Saqi Books, 1993. 136 p.

Necipoglu G. *The Age of Sinan: Architectural Culture in the Ottoman Empire (1539–1588)*. Princeton NJ.: Princeton University Press, 2005. 592 p.

Rabb P. “We are all servants here!” Mimar Sinan – architect of the Ottoman Empire // *Periodica Polytechnica. Architecture*. 2013. № 44(1). P. 17–37. DOI: <http://www.pp.bme.hu/ar/article/view/7444>

Информация об авторе:

Кирилко Владимир Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); vladimirkirilko.33@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5431-9127>

REFERENCES

Bocharov, S. G. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 16 (2), 120–137 (in Russian).

Grigor'ev, A. P. 1974. In Efimov, G. V. (ed.). *Istoriografiia i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki (Historiography and Historical Sources for Asia and Africa Countries)* 3. Leningrad: Leningrad State University, 19–28 (in Russian).

Dzhanov, A. V. 2019. In *Sugdeys'kiy zbirnik (Sougdeia Collection of Papers)* 2 (VIII), 79–373 (in Russian).

Dzhanov, A. V. 2021. In *Sugdeys'kiy zbirnik (Sougdeia Collection of Papers)* 3–4 (VIII), 163–462 (in Russian).

Dubois de Monpéroux F. 2009. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiyu, Armeniyu i v Krym. V 6 tomakh. Parizh, 1843. (Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée)*. In 6 vol. Paris, 1843) 5, 6. Translation, preface and notes by T.M. Fadeeva. Simferopol: “Biznes-Inform” Publ. (in Russian).

Zasytkin, B. N. 1927. In *Krym (Crimea)* 4 (2), 113–168 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2021a. In Zaitsev, I. V. (ed.). *Istoriya krymskikh tatar. V 5 tomakh T. III: Krymskoe khanstvo XV–XVIII vv. (History of the Crimean Tatars in 5 volumes. Vol. III: Crimean Khanate XV–XVIII centuries)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 692–742 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2021b. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 26, 343–361 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2018. In Kazaryan, A. Yu. (ed.). *Voprosy vseobshhej istorii arhitektury (Questions of the history of world architecture)* 10. Moscow; Saint-Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ., 222–241 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan, Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 691–739 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2019. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Kochevye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy. V 2 kn. Kn. 1 (Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies)*. In two volumes. Vol. 1. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Science Center SB RAS Publ., 119–125 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 36 (2), 93–120 DOI: <http://doi.org/10.24852/pa2021.2.36.107.120> (in Russian).

Evliya Çelebi. 1999. *Kniga puteshestviia. Turetskii avtor Evliia Çelebi o Kryme (1666–1667 gg.) (The Book of Travels. Turkish Writer Evliya Çelebi on Crimea (1666–1667))*. Simferopol: “Tavriia” Publ. (in Russian).

Kononenko, E. I. 2022. *Evolutsiya arkhitektury osmanskoy mecheti (The evolution of the architecture of the Ottoman mosque)*. Moscow: “Progress-Traditsiya” Publ. (in Russian).

Kutaisov, V.A., Kutaisova, M.V. 2007. *Evpatoriya: Drevniy mir. Srednie veka. Novoe vremya (Evpatoria: The Ancient World. The Middle Ages. The Modern History)*. Kiev: “Stilos” Publ. (in Russian).

de Miranda, F. 2001. *Puteshestvie po Rossiyskoy Imperii (A travel through the Russian Empire)*. Moscow: “Nauka/Interperiodika” Publ. (in Russian).

Urgevieh, V. N. 1889. In: *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities)* 16. Odessa, 21–45 (in Russian).

1872. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities)* 8. Odessa, 363–403 (in Russian).

Pallas, P. S. 1999. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 gg. (Observations made during a Journey across the Southern Governorates of the Russian State in 1793–1794)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Sumarokov, P. 1800. *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu, Pavlom Sumarokovym. S istoricheskim i topograficheskim opisaniem vsekh tekhn mest (Travelling throughout the Crimea and Bessarabia in 1799 by Pavel Sumarokov. With a historical and topographical description of all those places)*. Moscow: University Printing (in Russian).

Tunkina, I. V. 2011. *Otkrytie Feodosii. Stranitsy arkheologicheskogo izucheniia Yugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeia drevnostei 1771–1871 (Discovery of Feodosia. Pages of the archaeological study of the South-Eastern Crimea and the initial historical stages of the Feodosia Museum of Antiquities. 1771–1871)*. Kiev: “Bolero” Publ. (in Russian).

Khrapunov, N. I. 2017. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* (4), 270–291 (in Russian).

Khrapunov, N. I. 2020. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* 40, 229–238 (in Russian).

Aslanapa, O. 1992. *Mimar Sinan*. Ankara: Kültür Bakanlığı (in Turkish).

Düzenli, H. İ. 2015. In Coşkun Y. (ed.). *Antik Çağ'dan XXI. Yüzyıla Büyük İstanbul Tarihi* 8, 176–243 (in Turkish).

Goodwin, G. 1992. *A history of Ottoman architecture*. London: Thames and Hudson.

Goodwin, G. 1993. *Sinan: Ottoman Architecture and Its Values Today*. London: Saqi Books.

Necipoglu, G. 2005. *The Age of Sinan: Architectural Culture in the Ottoman Empire (1539–1588)*. Princeton NJ.: Princeton University Press.

Rabb, P. 2013. In *Periodica Polytechnica. Architecture* 44(1), 17–37. DOI: <http://www.pp.bme.hu/ar/article/view/7444>

About the Authors:

Kirilko Vladimir P. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea, Russian Federation; vladimirkirilko.33@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5431-9127>

Статья поступила в журнал 01.06.2023 г.
Статья принята к публикации 01.08.2023 г.